Молчаливый разговор

Автор:
Надежда Волгина

Молчаливый разговор

Надежда Волгина

Нарочно не придумаешь

Глеб появился в жизни Ксении в самый сложный период. Замкнутый и очень серьезный – захотелось понять его, разгадать.Грустный образ девушки, хранящий тайну, поселился в мыслях адвоката, не склонного к проявлению эмоций. Кроме того, он намного старше и опытнее нее, хоть и не в сердечных вопросах – для этого он слишком занят по жизни.Их мало что связывает, но они нужны друг другу.В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений shutterstock.

Глава 1

Взгляд машинально упал на часы. Половина шестого?!

– Черт! – выругался Глеб. – Виктория Сергеевна!

Он захлопнул толстую папку, вставая из-за стола. С секретаршей столкнулся в дверях.

– Я убегаю, – бросил на ходу, пытаясь надеть пиджак и не выронить при этом портфель. – За Пашкой опаздываю. Выключите там все?

– Конечно, Глеб Петрович, – пожилая женщина посторонилась, снимая очки и растирая пальцами переносицу.

– И… тоже идите домой. Если что, я на телефоне, – добавил Глеб, уже выходя на улицу.

– Я еще немного поработаю, – понеслось ему в спину.

Через минуту он уже выруливал на проезжую часть из дворика, где на первом этаже старенькой пятиэтажки находилась его контора. Еще через пятнадцать минут подъезжал к дворцу спорта «Олимп», удачно миновав традиционные вечерние пробки.

На лавочке возле забора сидел его восьмилетний племянник. Мальчик о чем-то усиленно размышлял, хмуря брови, прижимая к себе рюкзак и глядя в землю. Даже шум подъехавшего автомобиля не нарушил задумчивости.

Глеб опустил стекло и позвал:

– Пашка!

Тот вздрогнул и резко вскинул голову. Глеб невольно поморщился – не хотел напугать.

– Загружайся, – улыбнулся он и помахал мальцу.

В ответ улыбки не последовало. Паша встал с лавки, одернул ветровку, пригладил волосы, повесил рюкзак на плечо и направился к машине.

– Как прошла тренировка? – спросил Глеб, когда Паша устроился на заднем сидении джипа, положив рядом рюкзак и пристегнувшись ремнем безопасности. – Нормально?

– Угу.

Встретившись в зеркале заднего вида взглядом с серьезными голубыми глазами, Глеб незаметно вздохнул. Вот уже полгода, как его племянник практически не

разговаривает. После трагической гибели матери, сестры Глеба, Паша стал сильно заикаться. Чаще отмалчивается или отвечает односложно. В школе из-за этого начались проблемы, пришлось во втором классе переводить его на домашнее обучение. Хорошо хоть из секции каратэ не исключили. Там важнее уметь слушать, чем говорить.

– Чем займемся? – как можно веселее спросил Глеб, выруливая со стоянки. – Может, поужинаем в Макдоналдсе?

Больше всего он хотел сейчас поехать домой, устроиться в кресле перед телевизором и выпить бутылку пива. Но тогда Пашка запрется на весь вечер в своей комнате и будет смотреть на портрет матери, пока не наступит время ложиться спать. В такие моменты племянник замыкался больше обычного. Вот почему в дни тренировок Глеб старался как можно позже привозить его домой.

Зоя, мать Паши, погибла весной. Все лето Глеб как мог отвлекал мальца от горя, что поселилось и в его доме тоже. Чаще всего они бывали в зоопарке, где Паша подолгу мог простаивать возле вольеров и наблюдать за животными. Особенно ему нравились пантеры и гепарды. В такие моменты Глебу хотелось знать, о чем думает племянник. Но тот никогда не рассказывал.

Макдоналдс встретил вереницами очередей. Как они только тут с ума не сходят за целый день, – подумал Глеб, глядя на улыбающихся парней и девушек в одинаковой униформе, периодически выкрикивающих: «Свободная касса!» Народ разбредался от касс с нагруженными подносами, как муравьи. Как еще при таком скоплении всегда есть свободные столики? То ли потому, что их много, то ли долго никто не засиживается. Зажевали фаст-фуд, запили колой и каждый по своим делам.

– Сильно проголодался? – наклонился Глеб к Паше.

Тот лишь кивнул, продолжая рассматривать красочное меню, вывешенное над кассами.

– Значит, как обычно?

– Да.

– А Хеппи милл?..

– Нет! – Паша сердито отвернулся.

Глеб специально спросил про детский набор с игрушкой. До смерти Зои Паша любил получать такие в те редкие случаи, когда они все вместе бывали в Макдоналдсе. Ему нравились незамысловатые, но качественные игрушки из набора, как всем детям. Но со смертью матери закончилось его детство. Поэтому Глеб и спрашивал все время про Хеппи милл. От ответа на этот вопрос зависит многое: нет – Паша болен, да – пошел на поправку.

– Свободная касса! – крикнула розовощекая пухлая девчушка.

Глеб переместился вправо, к соседней кассе.

– Биг-тейсти, пожалуйста, картофель-фри…

– Маленький, стандартный? – уточнила девушка, на секунду перестав стучать по клавишам кассы.

– Стандартный. Кисло-сладкий соус и клубничный коктейль. А еще… – Глеб задумался на секунду, чтобы такое заказать себе: – Кофе эспрессо и пирожок с вишней.

– Все? – улыбнулась девушка, а Глеб в который раз подивился, как у нее только сил хватает оставаться приветливой в таком шуме.

С космической скоростью заказ оказался на подносе. Не успел Глеб расплатиться, а девушка уже выкрикивала следующему покупателю: «Свободная касса!»

Пашка быстро расправлялся с едой. Глеб тайком наблюдал, как тот уплетает огромный сандвич, закусывая картофелем и потягивая густой коктейль. Самому ему кусок в горло не лез – пирожок так и лежал на подносе нераспакованным. Он прихлебывал кофе и думал о сестре. Как она могла так поступить с единственным сыном? И как Пашка вообще не сошел с ума, найдя мать повесившейся в туалете?

Он любил Зою, но ненавидел ее влюбчивость. А она любила любовь. С юности… От одной такой родился Паша, едва сестре исполнилось восемнадцать. Любовь ее и погубила, не вынесла безответности.

Глеб тряхнул головой. Вечно воспоминания лезут в самый неподходящий момент, и перед глазами встает картина, какой он увидел сестру, когда примчался на звонок рыдающего в трубку Паши. Зоя, Зоя… Что же ты наделала? Как ты могла исковеркать жизнь собственному ребенку?

– Наелся? – выдавил из себя улыбку Глеб, наблюдая, как Паша вытирает салфеткой рот.

– Угу.

– Тогда, может, покатаемся? – предложил он и встретился с умными все понимающими детскими глазами.

Конечно, Пашка уже давно разгадал его хитрость. Три дня в неделю Глеб старался привозить племянника домой как можно позже. Ну, еще по выходным развлекал его, если не уезжал в очередную командировку. В остальное время тот был предоставлен самому себе. Приходящая учительница действовала в рамках школьной программы, не отступая от нее ни на шаг. Глеб не мог ее винить, она, наверное, лучше знала, как вести себя с проблемными детьми. Еще была няня, которую он нанял, когда Паша переехал к нему. Она следила, чтобы ребенок всегда был накормлен и с ним ничего не случилось. Но что творилось в маленькой душе, не знал никто. В нее Паша никого не впускал.

– Тогда поехали, – нарочито весело произнес Глеб, складывая пустые коробки и салфетки на поднос.

Для середины октября погода стояла на удивление теплая. Уже стемнело, и в воздухе пахло влагой.

– Наверное, пойдет дождь, – улыбнулся Глеб в зеркало заднего вида. – Но нам с тобой он не страшен, ведь правда?

– Да, – без тени улыбки ответил Паша.

Глеб уже и не помнил, как выглядит этот ребенок, когда улыбается. Так давно это было. Он опять незаметно вздохнул, включил музыку и приспустил стекла, чтобы в салон ворвался теплый осенний ветер.

Дождь хлынул неожиданно. Единственная вспышка молнии в сопровождении мощного раската грома, и с неба полила вода сплошным потоком. Дворники не справлялись, елозя из стороны в сторону по лобовому стеклу. Но Глеба это не напрягало. Движение в это время суток уже не было таким активным, как в часы пик. Они медленно ехали по узенькой улочке, вспарывая лужи с неоновыми отражениями огней города.

Ее Глеб заметил не сразу. Она стояла под козырьком, освещаемая витриной магазина. Заплаканная, растерянная и очень красивая.

– Девушке плохо. Наверное, она забыла дома зонт. Подвезем? – обратился он к Паше.

А тот уже и сам заметил бедняжку, прилип к стеклу, рассматривая ее. Он только энергично закивал головой, не отрываясь от заинтересовавшей его картины.

Глеб вывернул к тротуару и плавно затормозил. Опустив стекло громко позвал:

– Девушка, вас подвезти?

Запоздало пришла мысль, что, возможно, она не просто так тут стоит, а ждет кого-то. Тогда почему плачет или плакала? Да и одета она не по погоде – легко и празднично. А еще красиво: золотистое платье обтягивало стройную, как у статуэтки, фигуру, туфли на высоком каблуке переступали в луже в поисках сухого места, которого уже не осталось, в руках маленькая сумка, которую она держит так крепко, что даже сквозь дождь видно, как побелели костяшки пальцев.

Она пыталась разглядеть Глеба в салоне, поглядывая на заднее окно, где маячила Пашкина физиономия.

– Не бойтесь, садитесь, – подбодрил Глеб. – Дождь зарядил на всю ночь.

Он чувствовал, как она колеблется, не зная, на что решиться. Наконец, она сделала неуверенный шаг и тут же оказалась под потоками ливня. Не раздумывая больше, побежала к машине. Глеб предусмотрительно распахнул для нее дверцу.

– Все-таки промокли, – сказал он, когда она заскочила в салон, обдавая его брызгами.

Совсем молоденькая, лет двадцать, может, чуть больше. Русые волосы, гладко зачесанные и собранные на затылке, потемнели от воды. В немного раскосых светло-карих глазах застыла благодарность с примесью стеснения, как успел заметить Глеб, когда она мельком на него посмотрела. Тонкими длинными пальцами она расстегнула сумочку и, достав платок, аккуратно промокнула лицо. Интересно, что она делает одна вечером в таком виде, да еще и под дождем?

Глеб ждал, когда она заговорит, не трогаясь с места. Но она спрятала обратно платок и молчала, тихонько шмыгая носом.

– Куда вас отвезти? – спросил Глеб, когда понял, что молчание затянулось.

Она повернулась, и Глеб рассмотрел золотистые искорки в больших и грустных глазах. А еще заметил, как подрагивают ее губы, словно она изо всех сил старается не разрыдаться.

– Едем прямо? – улыбнулся он, машинально отмечая тихое жужжание включившегося навигатора.

– Да, – улыбнулась она в ответ, отчего у Глеба шевельнулось что-то теплое и приятное в душе.

Он медленно тронулся, незаметно поглядывая на нее. На перекрестке свернул направо, уловив едва заметный кивок девушки. Краем глаза заметил, как по щеке ее катятся слезы, которые она сердито смахивает. Интересно, что ее так сильно расстраивает? Но не станешь же лезть в душу и расспрашивать. Да и вряд ли она будет с ним откровенничать. Но попробовать стоит.

– У вас что-то случилось? – спросил он и свернул на узкую улочку по легкому движению девичьей руки.

Она замотала головой, не глядя на него.

– Вы плачете?..

Снова молчание. Ну что ж, не получилось. Глеб вывернул на широкий проспект и прибавил скорость. Никогда не считал себя любопытным, а тут не может удержаться. Так и хочется спросить ее еще о чем-нибудь.

Девушка перестала плакать и смотрела вперед, о чем-то думая. Глеб видел, как временами она хмурит брови и крепче сжимает ручки сумки. С опозданием решил, что она, наверное, замерзла, и включил печку. Не мог заставить себя не смотреть на нее. Маленькое розовое ушко с крохотной сережкой, точеный профиль, нежная шея с трепещущей жилкой, скромное декольте и небольшая грудь, которая временами подрагивала, словно девушка сдерживала горестный вздох или всхлип.

Он крепче сжал руль, злясь на себя. Какое-то нездоровое любопытство. С какой это стати ему так хочется выяснить, кто она, и что ее так расстраивает? Сейчас высадит ее и никогда больше не увидит. Тогда почему ему так тоскливо становится от этой мысли?

Он больше не пытался заговорить с ней, сосредоточившись на дороге. Она лишь молча указывала, куда нужно поворачивать. И на эту ее странность Глеб старался не обращать внимания. Мало ли, какие причуды ею движут. Не хочет говорить и ладно, имеет право.

В салоне заметно потеплело. Внезапно Глеб заметил, как на плечо девушки легла детская рука. Пашка?! Они одновременно обернулись. Паша смотрел на нее и улыбался. Впервые за последние полгода. На ее лице заиграла ответная улыбка. Она взяла маленькую руку и слегка пожала ее. Это длилось несколько секунд, в течение которых Глеб перестал дышать, боясь напугать племянника. По коже побежали мурашки, словно он в жизни не видел ничего прекраснее детской улыбки. Паша уже опять вернулся вглубь салона, а девушка отвернулась к окну, но Глеб все еще находился в том мгновении, не понимая, что произошло.

Они подъехали к забору, огораживающему территорию вокруг элитного четырехэтажного дома. Девушка обернулась напоследок, улыбнулась Паше и собралась выйти.

– Вы здесь живете? – остановил ее Глеб.

На мгновение ее глаза встретились с его. Ничего, кроме благодарности, ее взгляд не выражал.

– Да, – только и ответила она, открывая дверцу и покидая салон автомобиля.

Какое-то время он ничего не делал – неподвижно сидел и смотрел, как охранник открывает калитку, и пропускает девушку во двор. Она кивает ему и направляется к подъезду. Лишь когда хрупкая золотая фигура скрылась за тяжелой металлической дверью, Глеб завел мотор и поехал.

Глава 2

– Отойдем в сторону, поговорим, – Виктор приблизился незаметно.

Ксения рассматривала авангардное полотно огромных размеров. Прямые линии перетекали в плавные изгибы, неправильные геометрические фигуры сменяли друг друга, наслаиваясь и теснясь на просторном полотне. Что хотел изобразить художник? Какую мысль вложил в буйство ярких красок? Восторг, как гласила надпись под картиной? Похоже на то… Ксения не прониклась темой, но картина притягивала взгляд.

Бокал мелко задрожал во внезапно ослабшей руке. Знала же, что это произойдет рано или поздно. Все к тому шло. От накативших предчувствий ноги стали ватными.

Виктор держался отлично, хоть и выпил много. На то, что он опьянел, указывала вальяжность в движениях и затаенная жестокость во взгляде, так хорошо знакомая Ксении. Он пил редко, но финал всегда был одинаков – на нее

сыпались придирки и обвинения. В итоге она чувствовала себя виноватой во всех смертных грехах. После этого требовалось несколько дней, чтобы восстановить душевное равновесие и избавиться от чувства гадливости к себе. А сегодня прибавилось что-то еще… В его взгляде появилась решимость, словно он придумал, как лучше всего, больнее ее наказать.

Ксения смотрела на прямую спину с широкими плечами, в темно-сером пиджаке, стройные ноги в идеально-отутюженных брюках, русый затылок… В голову лезли всякие глупости, что Виктор, наверное, специально сходил в парикмахерскую, чтобы постричься перед вечеринкой. Интересно, сделал ли он маникюр? Она бросила быстрый взгляд на свои ногти, покрытые прозрачным лаком, аккуратно ли накрасила их. Он и это критиковал – не понимал, как можно делать себе маникюр самой. «Ты что нищая? Не можешь позволить себе элементарного?» – обычно выговаривал, когда заставал ее за обработкой ногтей. А она не могла ему объяснить, что брезгует доверять свои руки приборам, которыми пользуется еще кто-то. Не могла или не хотела. Все равно не поймет.

Шампанское нагрелось и не пузырилось уже давно. За весь вечер Ксения не осилила и половину бокала. Держала для приличия, чтобы выглядеть, как все. Виктор общался с кем угодно, только не с ней. Публика вокруг становилась все более раскрепощенной, музыка играла слишком громко. Голова разболелась нестерпимо, до тошноты. Ей хотелось уйти, но нельзя подводить Виктора. Это его праздник – отмечали удачную сделку. Все знают, что она его девушка. Пока…

– Дай сюда! Чего ты вцепилась в него, как не знаю во что? – Виктор забрал у нее бокал и сунул тот проходившему мимо официанту. Они остановились возле окна подальше от центра зала, где в медленном танце кружились несколько пар. – Думаешь, никто не замечает, как ты стараешься не выделяться? – он зло сверкнул глазами, даже не пытаясь маскироваться.

Ксения снизу-вверх смотрела на него и не понимала, чем вызвана подобная злость. Он и раньше знал, что она не такая, как остальные. Почему именно сейчас его это доводило до бешенства? И как давно эти красивые серые глаза смотрят на нее с нескрываемым презрением?

– Скажи что-нибудь! Не молчи, как рыба! – потребовал он, больно схватив ее за руку выше локтя.

«Останется синяк», – мелькнула мысль. Она лишь покачала головой, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

Он приблизил лицо вплотную к ее. Ксения уловила смесь запахов – перегара и дорогого парфюма с цитрусовой нотой. Как же ей нравился раньше его одеколон! И давно ли этот запах начал внушать страх? Даже если так пахло от кого-то другого, в ее душе рождалось чувство близкое к панике.

Она попыталась высвободиться, но не смогла даже шевельнуться. От боли закружилась голова и слезинка скатилась по щеке, падая на платье из золотой парчи.

– Ты такая красивая, – взгляд Виктора смягчился, затуманенный отголосками давно угасшего чувства. – Такая нежная…

Он выпустил ее руку и дотронулся до щеки, вытирая след от слезы. Провел пальцем по губам, словно хотел поцеловать. Но потом резко отстранился. Теплота сменилась привычной жестокостью.

– Надоела самка в постели! – сказал, словно выплюнул. – Хочу видеть рядом женщину, которая меня понимает.

«Я-то тебя как раз понимаю. А вот ты меня даже не пытался понять», – подумала Ксения, чувствуя, как высыхают слезы, и в душе поселяется пугающая пустота. Он и раньше намекал, что их отношения зашли в тупик, но она надеялась, что все еще можно наладить. А сейчас он, наконец-то, озвучил то, на что раньше только намекал. Хорошо хоть обошлось без обычных придирок и грубости.

Нужно найти в себе силы и ответить. Но как? Додумать мысль до конца помешала высокая грудастая блондинка, появившаяся вдруг и повисшая на руке Виктора.

– Витюш, меня все бросили. Не потанцуешь со мной? – прокаркала она прокуренным голосом. – Ой, Ксюш, привет! Чудесно выглядишь, – словно только заметив, окинула она Ксению нахальным взглядом.

Зря старается. Ксения и так весь вечер чувствовала себя здесь чужой. А теперь она стала такой и для Виктора. Она знала, что эта девица, кажется Мария, работает с Виктором и давно уже клеится к нему, несмотря на то, что встречается с его другом. Раньше ревновала, как сумасшедшая, а теперь даже на это не имеет права.

– Конечно, – улыбнулся блондинке Виктор, но улыбка тут же растаяла, когда он перевел взгляд на Ксению. – Пока, – только и сказал, отчего пустота в душе превратилась в леденящую.

Вот и все. И с этим ей тоже придется научиться жить. Захотелось под ливень, чтобы смыл с нее хоть часть презрения, что она на себе испытывала.

***

Константин Сергеевич дремал, скрестив руки на груди и откинувшись на спинку

стула. Седая шевелюра растрепалась, и очки смешно съехали набок. Как ни старалась Ксения не шуметь, не удержала тяжелую дверь – та громко хлопнула, когда закрывалась. Ксения поморщилась, а консьерж дернулся и чуть не упал со стула.

– Ксюшенька, добрый вечер! – воскликнул он, поправляя очки и сонно моргая. – А я тут задремал малость, сморило что-то. Батеньки! Да ты вся промокла! – всплеснул он руками. – Беги скорее домой, да выпей чего-нибудь горяченького.

Вряд ли «горяченькое» согреет ее душу. Ксения горько усмехнулась и помахала доброму Константину Сергеевичу. Она торопилась скрыться на лестнице, пока он не заметил, как ей плохо.

Как же устали ноги на высоких каблуках! Ксения поднялась на второй этаж, отыскала ключ в сумке. Руки дрожали, когда она вставляла его в замочную скважину. Первым делом сняла туфли, ступила на холодный плиточный пол и почувствовала, как гудят ноги. Свет включать не стала. Зачем? Потемки как ничто другое соответствуют ее настроению. Сейчас казалось, что последние полгода ее окружают темень и холод. Единственной отрадой был Виктор, но его

не стало, теперь уже понятно, что навсегда. Сердце пронзила боль. Такая сильная, что Ксения не выдержала и застонала, прислонившись к стене. Перед глазами стояло красивое лицо – такое родное, любимое и ужасно холодное. Как жить дальше? Где найти в себе силы?

Зубы стучали от холода, а тело горело в лихорадке. Каждый шаг давался с трудом, когда она шла в ванную. С какой любовью она покупала это платье, а сейчас срывала с ненавистью и бросала в стиральную машину. Больше никогда не наденет его. Оно будет вечно напоминать об этом дне, вечере…

После душа стало ненамного легче. Ксения закуталась в махровый халат и прошла на кухню. Константин Сергеевич прав – нужно выпить горячего чаю, если не хочет заболеть. Хотя, скорее всего, это уже случилось. Она включила чайник, достала градусник из аптечки и сунула его под мышку. Тело колотил озноб, ноги дрожали, как у новорожденного теленка. Она опустилась на стул – сильно закружилась голова. Не хватало еще упасть в обморок.

Чайник закипел и щелкнул выключателем. Ксения достала градусник. Тридцать девять и пять! Неудивительно, что ей так плохо. В голове пульсировала боль, руки плохо слушались, когда она заваривала пакетированный чай. Готово. Осталось выпить таблетку и в постель…

Голос диктора сквозь туман проникал в сознание. Наводнение в краснодарском крае, сто пятьдесят человек погибло… Почему она не оказалась одной из них? Почему она не погибла тогда?.. Глаза слипались, но калейдоскоп картинок мешал заснуть. Виктор, Мария с плотоядной улыбкой на губах, дождь и холод. Она никак не могла согреться под двумя одеялами. «Мне недостаточно самки в постели…» Неужели это он сказал, тот, которого она так любила? Да и сейчас любит, оттого и так больно. Какая же она самка? Она старалась подарить ему всю себя, а взамен получила слова, полные презрения.

Нужно уснуть. Завтра станет легче, должно стать. Теплая волна прокатилась в душе – лицо мальчика. Что она испытала тогда? Понимание.

Глава 3

Утро в выходные на кухне Глеб полюбил с появлением Пашки в его доме. Особенно такие, когда племянник еще крепко спал, самому ему никуда не нужно было собираться, оставлять указания домработнице, Вере Михайловне, и спешить в аэропорт или на вокзал. В такие дни он вставал пораньше, чтобы приготовить какую-нибудь вкуснятину на завтрак. Правда мудрить особо не приходилось – готовить он умел только омлет, гренки или жареную картошку. Зато Пашка все это любил есть.

Сегодня он решил сделать омлет. Но пока ограничился тем, что достал все необходимое из холодильника. Готовить будет, когда Пашка проснется, чтобы подать на стол с пылу с жару. Себе сварил крепкий кофе и прихлебывал его за свежей газетой, как тоже любил делать каждое утро.

«Наводнение в краснодарском крае… Более пятисот человек пострадали и остались без жилья. Около ста пятидесяти раненых… Сброс лишней воды из водохранилища…» Глеб отложил газету в сторону и в раздражении уставился в окно. Как глупо! Умереть из-за невозможности выбраться. Погибли-то в основном пожилые немощные люди. Достойный финал на закате жизни. И это в наше время – век высоких технологий!

Он тряхнул головой, так взбесила его нелепость ситуации. Отхлебнул кофе и вышел на террасу. Нужно пригласить садовника, чтобы постриг деревья, – подумал Глеб, разглядывая запущенный сад. Два раза в год, весной и осенью, он просил у соседа одолжить садовника, которого тот нанял постоянно. Глеб считал это лишним. Он не любил природу, где ни единой лишней травинки, деревья окучены и ровные грядки радуют глаз поспевающим урожаем. В его саду присутствовала легкая дикость, приближенная к настоящей природе. Деревья росли хаотично. Сорняк колосился, пока он не проходился по нему газонокосилкой и то, только потому, что стрижки требовал газон, занимающий половину участка.

Дом… Как они мечтали с Зоей о нем! Даже рисовали его частенько. Именно такой – небольшой и уютный. Родителей у них не стало рано. Глебу было три, а Зое два года, когда они разбились на машине. Растила их бабушка, пока не умерла, когда Глебу едва исполнилось восемнадцать. Так началась его взрослая жизнь. Хотя и до этого он принял часть забот о семье на себя – учился в техникуме и подрабатывал, где мог, чаще на рынке – реализатором. Наверное, постоянная нужда наложила отпечаток на детские души. Еще маленькими вечерами они с Зоей мечтали, как вырастут и будут жить. Фантазировали о

собственном доме, который построит для них Глеб, с двумя раздельными входами. В одной половине будет жить он, а в другой Зоя – с мужем и детишками. Почему-то он всегда представлял себе Зою хозяйкой большой семьи.

Обещание Глеб выполнил – три года назад, скопив достаточную сумму, нанял специалистов и за год возвел этот коттедж. Только Зоя отказалась переезжать к нему. Как Глеб ни уговаривал, что в Пашкином воспитании должен принимать участие мужчина, что он согласен им стать… Зоя стояла на своем. Выпорхнув из-под его опеки, она мечтала о двух вещах – свободе и большой любви.

Господи! Как же тяжело думать об этом, вспоминать. Глеб считал себя виноватым в смерти сестры, что не уберег, не разглядел подавленности, в которой та пребывала в последнее время. У него на уме была одна работа, с сестрой виделся по праздникам. Еще и удивлялся, как быстро растет Пашка.

Все! Хватит о грустном! Как бы там ни было, Зоя умерла, теперь нужно думать о Пашке. Психика у него явно подорвана. Психолог, к которому Глеб его возит раз в неделю, говорит, что со временем все должно пройти. Возможно, речь и не восстановится полностью, но так сильно заикаться не будет. Но сколько потребуется этого времени? Зарастет ли когда-нибудь его душевная рана?

Пашка, растрепанный и в пижаме возник рядом. Он широко зевнул, а потом так же серьезно уставился на сад.

– Как думаешь, нужен нам садовник? – спросил Глеб.

Тот отрицательно помотал головой.

– Мне сад тоже нравится таким, – улыбнулся Глеб, в который раз отмечая, как они похожи. – Выспался?

Паша кивнул, по-прежнему не глядя на него.

– Тогда бегом умываться, переодеваться, а я пока займусь завтраком.

Через десять минут причесанный и умытый Паша уже сидел напротив Глеба. Перед каждым в тарелках дымился омлет, румяные тосты только и ждали, когда

их намажут маслом.

– Налетай! – скомандовал Глеб и первым принялся есть, стараясь не обращать внимания, что племянник делает это с неохотой. Как обычно по утрам, аппетита у того не было. Правда, как показалось Глебу, сегодня Пашке мешало не плохое настроение, а что-то другое. Он все время как-то странно на него поглядывал, словно хотел спросить о чем-то и не решался.

– Чем займемся сегодня? – спросил Глеб, убирая опустевшие тарелки со стола.

– Я х-х-хоч-ч-чу к т-т-той т-т-тет-т-те, – вкладывая в каждое слово максимум усилий, заикаясь меньше обычного, ответил Паша.

– Что? – удивился Глеб.

Он удивился даже не тому, что сказал племянник, а тому, что он заговорил. Обычно Глеб предлагал варианты, а Паша лишь молча отказывался или соглашался. Потом до него дошло, что тот сказал.

– К какой тете?

Паша грустно смотрел на него, словно упрекая в непонимании или в том, что он просит его повторить.

– Ты имеешь в виду ту тетю, что мы вчера подвозили? – догадался Глеб, вспоминая о странном вчерашнем поведении племянника.

Паша кивнул, и губы его дрогнули в подобии улыбки. Глеб не знал, радоваться ему или огорчаться. Просьба казалась странной, даже дурацкой, но это был первый раз за полгода, когда Пашка чего-то захотел. Задавать наводящие вопросы было бесполезно, Глеб знал наверняка, что тот на них не ответит, а обидеться может. Следовало принимать решение самому. Но какое? С какой стати они заявятся к совершенно незнакомому человеку? Что она подумает?

– Ты считаешь, мы можем вот так просто поехать к ней? – он не спрашивал, а пытался рассуждать вслух. Паша при этом выглядел снисходительным, всем видом показывая, что может потерпеть странности дяди.

Глеб не признавался себе, что тоже с радостью увидит еще раз вчерашнюю попутчицу. Он уже решил, что они поедут к ней, стараясь не думать, как это будет выглядеть, и что она подумает. Главное теперь застать ее дома. А там… он что-нибудь придумает. По крайней мере, Глеб очень надеялся, что сумеет выглядеть адекватным и не внушить ей опасения. Да и рядом будет Паша.

И все же, восстанавливая в памяти вчерашний вечер, он не то чтобы сомневался, но относился к странной встрече, а потом и общению в машине, как к чему-то нереальному, сну. Может, и не было никакой заплаканной девушки, а дождь сыграл с ними злую шутку – навеял мираж?

Тут уж Глеб не выдержал и усмехнулся, за что был награжден очередным снисходительным взглядом. Чего только в голову не придет. Да, девушка показалась ему нереально красивой, но не сказочной же. Хотя, никакая принцесса не выдержит сравнения с ней. Нежная, утонченная… Бледная и такая несчастная. Захотелось защитить ее? Возможно. И до сих пор хочется. Это и кажется странным, а еще очень неуместным. Ладно, жизнь покажет и подскажет.

– Тогда, поехали, нечего терять время, – решительно произнес он и снова увидел подобие улыбки на губах племянника.

***

Слава богу вчерашнее недомогание не переросло в болезнь. С утра Ксения чувствовала себя сносно. Не считая отвратительного настроения и грызущего чувства потери, проснулась она практически здоровой. Радовало, что суббота и не нужно идти в университет. Все равно не смогла бы сидеть на лекциях. Скорей бы уже закончить его. Четвертый курс она еле вытянула. Летнюю сессию завалила, но сдала в повторную, правда на одни тройки, половину которых ей поставили из жалости. Плевать! Еще продержаться семестр, а потом диплом.

Господи! О чем она только думает? Ее же бросил Виктор! Такой родной, любимый. Но он должен прийти еще. Есть шанс, хоть и призрачный, попытаться его вернуть. Уговорить его не бросать ее. Уговорить! Ксения горько усмехнулась. Это единственное, чего она не сможет сделать никогда. Из-за этого он ее и бросил, назвав самкой.

Слезы навернулись на глаза, стоило вспомнить вчерашний вечер. Ну что ей теперь делать? Как жить дальше? Только любовь к Виктору помогала не сойти с ума. Его поддержка согревала, заставляла надеяться, что и в ее жизнь когда-нибудь вернется счастье. Он был тем, в ком она черпала силы.

Ксения опустилась на стул не в силах даже приготовить себе кофе. Слезы струились по щекам. Жить не хотелось больше обычного. Звонок в дверь привел ее в чувство. Заставил вытереть слезы и отправиться отпирать в дверь. Если это Виктор, то она постарается выглядеть достойно, не покажет ему, что находится на гране отчаяния. Но это был не Виктор.

– Родная, что с тобой?!

Мама! Ну, почему ты так смотришь, с таким сочувствием? Это стало последней каплей – Ксения не выдержала и разрыдалась.

– Да что случилось? Он бросил тебя, да?

Как объяснить ей, такой красивой и удачливой, что жизнь дочери превратилась в сплошную черную полосу. Она не поймет. У мамы все хорошо – любящий муж, пятилетний сынишка, отличная работа. Она умудряется успевать все. Регулярно посещает фитнес-центр, ходит к косметологу. В сорок пять ей никто не дает больше тридцати пяти.

С папой они развелись, когда Ксении исполнилось десять. В их семье всегда царила демократия. И на этот раз они решили не отступать от правил – честно спросили дочь, с кем бы она хотела жить. При всей любви к матери, с отцом у Ксении всегда было больше общего. Они даже думали одинаково и любили одно и то же. Мама не обиделась, когда она выбрала папу. Сказала даже, что не сомневалась в таком исходе. Несмотря на то, что Ксения жила с отцом, мать никогда про нее не забывала, даже через два года, когда у нее появился новый муж. С папой у них сохранились дружеские отношения. Папа… Ксения разрыдалась еще сильнее.

– Так, так… Хорош лить слезы! – мама оторвала ее от себя и внимательно осмотрела. – Он тебя бросил, – уверенно произнесла она. – Только из-за мужиков мы можем так убиваться.

Она подвела ее к дивану, усадила, опустилась рядом и крепко обняла.

– Хорошо, что ты можешь плакать. Со слезами выходит горе. А иначе оно разъедало бы тебя изнутри.

Мама гладила ее по голове и ждала, когда закончится истерика. Потом сходила на кухню и заставила ее выпить полный стакан воды.

– Он забрал уже вещи? – деловито спросила она. – Нет? Тогда, так! Я сейчас соберу их и отвезу к нему. И не смей сопротивляться! – повысила она голос. – Сейчас самое главное не видеть его какое-то время, пока не притупится реакция. Когда ты почувствуешь, что не хочется плакать каждый раз при мысли о нем, тогда можно будет и встретиться, чтобы поговорить.

Ксения бросила на нее убийственный взгляд.

– Ну… В общем, в любом случае, я собираю его вещи, – затараторила мама, отворачиваясь от нее и подходя к шкафу.

Ксения смотрела на стройную подтянутую фигуру матери, как та уверенно достает вещи Виктора и складывает их аккуратной стопкой. Она завидовала ей. Мама всегда четко знает, чего хочет, никогда ни в чем не сомневается. Иногда принимает поспешные решения, но даже тогда ни о чем не жалеет. Она же унаследовала от отца нерешительность, привычку оценивать каждый свой шаг. Как еще с таким противоречивым характером он умудрился поднять многомиллионный бизнес. Хотя тут, возможно, больше заслуга его компаньона – отца Виктора.

Ну, вот зачем она об этом вспомнила? Ксения почувствовала, как слезы опять наворачиваются на глаза. Может, хватит уже ныть? – сердито одернула себя. Лучше помоги матери собрать его вещи. Она подошла к комоду и принялась опустошать ящик с его нижним бельем, стараясь не вспоминать, как он в нем выглядит.

Глава 4

Глеб остановился возле знакомого забора. С опозданием подумал, что скажет охраннику, к кому они приехали? Паша уже вылез из машины и подбежал к калитке. Оказывается, она и не заперта. Наверное, здесь только ночью дежурит охрана. В этом Глеб убедился, когда увидел амбарный замок на двери будки.

Они прошли через ухоженный двор. Какое тут все яркое, красивое! Интересно, сколько детей живет в этом доме? Площадка пустовала. Разноцветные качели, навороченные горки, лазелки и огромная песочница сиротливо смотрелись без кричащей детворы. Так же скучали лавочки с другой стороны от дорожки, где был разбит небольшой сквер. Ухожено, но скучно. Не хотел бы Глеб жить в таком доме.

Пашка не смотрел по сторонам, чуть ли не бежал по дорожке. Глеб едва поспевал за ним.

В прохладном и просторном холле, больше напоминающем вестибюль театра, за огромным столом в окружении мягких диванов восседала солидная мадам. По-другому и выразиться трудно. Пышная фигура облачена в пестрое цветастое платье, седые волосы забраны в высокую прическу, губы ярко накрашены в тон ногтям, как успел заметить Глеб, а на носу – очки в роговой оправе.

– Вы к кому, молодые люди? – спросила она зычным голосом, едва за ними закрылась дверь.

– Нам нужна девушка… – Глеб как можно подробнее описал вчерашнюю попутчицу.

По мере рассказа лицо мадам становилось все более подозрительным. Глеб чувствовал себя совершенно по-дурацки, еще и Пашка рядом аж притоптывал от нетерпения.

– И зачем она вам? По какому вопросу? – сурово поинтересовалась консьержка.

– Ну… – замялся Глеб, чувствуя, как начинает злиться. – А можно мы это ей скажем? Вы нам только скажите, где она живет.

– Еще чего! А ключи от квартиры, где деньги лежат вам не подать? – усмехнулась мадам, но уже мягче. Видно Пашкино молящее лицо сыграло свою роль и смягчило суровое сердце. – Одну минуту…

Она сняла трубку телефона и нажала две цифры.

– Ксюшенька? – совсем другим голосом – мягким и заискивающим произнесла она. – Ой, простите, Ольга Денисовна, перепутала. Голоса у вас с доченькой так похожи. К Ксюшеньке тут гости пожаловали… Говорят, что подвозили ее вчера, – она замолчала ненадолго. Время это решила потратить на подозрительное разглядывание гостей.

Глеб чувствовал себя все более неудобно. Ну, пропустит их сейчас эта тетка, а дальше что? Что он скажет девушке, которую, кажется, Ксюшей зовут?

– Хорошо, Ольга Денисовна. Я все поняла, – прервала размышления мадам. – Можете пройти, – немного любезнее обратилась она к ним. – Второй этаж, пятнадцатая квартира.

Глеб спиной чувствовал ее любопытный взгляд. Немного расслабился, когда они свернули на лестницу. Наверное, консьержи и должны быть такими. По крайней мере, мадам эта должность подходила.

«Здравствуйте! Не удивляйтесь нашему визиту. Паша захотел вас снова увидеть…», – репетировал Глеб, пока они поднимались на второй этаж. Но говорить ничего не пришлось. Дверь в пятнадцатую квартиру была распахнута, и в проеме их поджидала высокая стройная женщина – по всей видимости, мать Ксюши, та, с которой мадам говорила по телефону.

– Доброе утро, вернее уже почти день! – приветливо улыбнулась она. Глебу понравилось ее лицо – открытое и честное, с налетом аристократичности. – Мы хоть и не ждали гостей, но всегда рады им.

– Здравствуйте! – ответил он, испытывая легкое неудобство за Пашку, который даже не посмотрел на женщину. Вместо этого первый прошел мимо нее в квартиру.

Глеб проследил за племянником взглядом и увидел вчерашнюю попутчицу. Она стояла в нескольких метрах от двери, смущенно потирая руки. В домашнем брючном костюме и ненакрашенная она, как ни странно, показалась Глебу еще красивее, нежнее. При виде Паши, на лице ее заиграла улыбка. На Глеба она даже не взглянула.

– Пойдем, – сказала она Паше, взяла за руку и увела в другую комнату.

Глеб заметил, как странно на нее смотрит мать. Как будто удивлена чему-то, даже рот приоткрыла.

– Что же это мы?.. – спохватилась она, когда девушка и Паша скрылись из виду. – Проходите. Ольга Денисовна – мать Ксюши, – протянула она руку. – А вы?..

– Глеб, – ответил он, отвечая на рукопожатие и удивляясь, что делает это с женщиной. Обычно руку ему подавали только мужчины.

– Приятно познакомиться, – кивнула Ольга Денисовна, прикрывая дверь. – Наверное, им есть о чем поговорить наедине, – снова улыбнулась она. – А мы, может, выпьем кофе?

– Да, собственно… – Глеб замялся. Почему-то ему хотелось поскорее уйти. Чувствовал себя здесь лишним. – Я, наверное, пойду. Только, приеду потом за Пашей. Во сколько это лучше сделать?

– Торопитесь? – видно было, что Ольга Денисовна растеряна не меньше него. Она тоже не знала, как реагировать на поведение дочери. – Я тоже скоро ухожу, забежала на несколько минут. Когда забрать, спрашиваете? Даже не знаю… – она почесала затылок, и это тоже получилось у нее не по-женски, отчего Глеб невольно улыбнулся. – Может, часа через четыре? Или попозже?..

– Тогда приеду, как освобожусь.

Странное чувство он испытывал, когда оказался за дверью и направился к лестнице. Все время порывался вернуться и забрать Пашку. Обзывал себя авантюристом, что оставил ребенка с незнакомыми людьми. Все время вспоминал лицо Ксюши – радостное и даже неудивленное. Она как будто знала,

что они придут в гости.

Решение поехать к Вадиму пришло неожиданно, когда он сел в машину. Какое-то грызущее чувство не давало покоя. Дома делать все равно нечего. От безделья рисковал извести себя вконец.

До Вадима, с которым они вместе учились на юрфаке, Глеб добирался около часа. Даже в субботу днем на дорогах скапливались пробки. Психовал из-за этого больше обычного. На середине пути, в одной из пробок, догадался позвонить другу. Слава богу тот был дома и ничего не имел против визита Глеба. Только немного расстроился, что тот за рулем – не составит ему компанию за субботней рюмкой коньяка.

Жил Вадим за городом, в двухэтажном коттедже, с гражданской женой – Ларисой. Глеб тихо порадовался, когда друг впустил его в дом и заявил, что жена уехала к родителям на выходные. С Ларисой у него отношения не складывались. Почему-то ее он относил к типичным представительницам стерв. Вадима пилила без меры, терпеть не могла всех женщин вокруг себя и не скрывала этого, при приличном заработке мужа умудрялась тратить еще больше. Короче, не понимал он такого.

– Тебе не предлагаю, а сам хряпну, с твоего позволения, – сказал Вадим, доставая из бара пузатую бутылку и рюмку. На журнальном столике, около которого они расположились, уже красовалось блюдце с тонкими кружками лимона. – Как Пашка? – сипло поинтересовался он, занюхивая коньяк лимоном.

– Про него я и хотел поговорить…

Глеб рассказал ему о вчерашней попутчице и сегодняшнем настроении племянника.

– И сейчас он у нее что ли? – вытаращил глаза Вадим.

– Ну да… Говорю же, попросился сам.

– Ты ненормальный?! Оставил ребенка не пойми с кем! А если она маньячка какая?

Вадим повертел пальцем у виска и налил себе еще рюмку.

– Слушай, хватит, а! Я себе и так места не нахожу от волнения. Минуты считаю…

– Надо думать, совсем с ума съехал. А если бы он попросил тебя отрезать палец, ты бы тоже согласился?

– Не передергивай, – разозлился Глеб. – Не похожа она на маньячку.

– Ладно, от меня-то ты чего хочешь? – вторая рюмка удачно опустела.

– Узнай, кто она.

Вадим задумался, наконец-то включая профессионализм. После окончания института, когда Глеб устроился помощником адвоката, друг его открыл сыскное агентство на деньги родителей. За годы работы частным детективом не только сколотил приличное состояние, но и репутацию пробивного малого. Многие влиятельные люди города обращались к нему за помощью.

– Диктуй адрес, – как по волшебству перед Вадимом оказались блокнот и ручка.

Глеб продиктовал.

– Правильно я понял, что больше ты ничего о ней не знаешь?

– Ее мать зовут Ольга Денисовна.

– Существенное дополнение, – усмехнулся Вадим, но информацию записал. – Ладно, все узнаю. Да не волнуйся ты, насчет маньячки я пошутил, – произнес он, заметив, наверное, как Глеб побледнел. – Раз Пашку к ней потянуло, значит, человек она хороший. Дети такое за версту чуют. Но ты тоже хорош – хоть бы телефон у нее взял.

Ничего в свое оправдание Глеб сказать не мог. Успокаивало то, что скоро он будет знать про нее все – об этом позаботится Вадим.

– Сколько времени тебе потребуется? – спросил он уже в дверях.

– Ну, кое-что я узнаю уже в понедельник, – уклончиво ответил Вадим.

– Кое-что?

– Старик, я детектив, а не энциклопедия. У меня не хранится вся инфа и обо всех. Многое узнаю через свои каналы в ментовке. Что-то… В общем, тебе это знать не обязательно. Сказал сделаю, значит сделаю. Наберись терпения.

Глеб уже вышел из дома, когда его окликнул Вадим.

– Слушай… – Выглядел он серьезным, даже хмель выветрился. – Ты сейчас за Пашкой?

– Да рано еще… Я обещал часа через четыре заехать.

– Ты, вот что – попробуй-ка сам с ней поближе познакомиться. Уверен, Пашка скоро снова запросится к ней. Она хоть красивая? – вдруг хохотнул он.

– Ну… да… – Глеб вспомнил нежное заплаканное лицо с огромными глазами и хрупкую фигуру, какой увидел ее впервые.

– Так может?.. – подмигнул ему Вадим.

– Не может! Да и у нее, кажется, кто-то есть.

– Ну, ладно… Мое дело сторона.

***

Никогда не думала, что может быть так интересно с ребенком. Паше восемь, а такое впечатление, что они ровесники. Рассуждает, как взрослый, даже представился так по-взрослому: Павел.

Ксения забыла о времени, поэтому удивилась, когда в дверь позвонили. Паша сообщил, что это, наверное, дядя Глеб пришел за ним. Вот, значит, как зовут этого высокого и чересчур серьезного мужчину. Паша рассказал, что он адвокат. Наверное, поэтому его тонкие губы все время плотно сжаты, а уголки опущены. Да и глаза грустные, как будто столько повидали в жизни. Когда Ксения впервые увидела его, подумала почему-то, что он ученый, какой-нибудь бактериолог. Именно такими она представляла мужей науки, большую часть времени проводящих у микроскопа – серьезными, даже немного суровыми, слегка близорукими и очень мудрыми. А еще у них обязательно должен быть высокий и умный лоб, как у Пашиного дяди, и немного старомодная прическа. Вот и Глеб ей показался таким – не очень симпатичным, но внушающим уважение.

Ксения с сожалением посмотрела на часы и пошла открывать дверь. Они с Пашей даже паззл недособирали. Но зато будет повод увидеться снова.

– Как он тут, не замучил вас? – поинтересовался Глеб, едва переступив порог.

Что за дурацкий вопрос? Разве может кого-то замучить такой умный и организованный мальчик? Только тут Ксения сообразила, что они пропустили время обеда. Паша, наверное, ужасно проголодался. Хороша хозяйка – держит гостя голодным.

– Здесь недалеко я заметил симпатичное кафе. Может, сходим все вместе, пообедаем? – предложил Глеб, словно прочитав ее мысли. – Паш, где ты там? – крикнул он вглубь комнаты.

Ксения заметила, что он волнуется. Интересно, почему? Боится, что с племянником что-то случится?

– Не привык оставлять его так надолго, – сказал Глеб, мельком взглянув на нее, и снова нетерпеливо позвал: – Паш…

Паша вышел, недовольно хмуря брови и исподлобья глядя на дядю. Ксения прямо почувствовала, как Глеб расслабился – обеспокоенная складка на лбу разгладилась и на губах появилась улыбка.

– Привет, – подмигнул он Паше. – Все хорошо?

Наградой послужил хмурый взгляд.

– Я тут подумал, что мы можем все вместе пообедать, – не обращая внимания на недовольство племянника, продолжал Глеб. – Ты как, согласен?

Ксения наблюдала за Пашей. Он даже не пытался скрыть радости. Смотрел на нее с улыбкой, не сомневаясь, что она согласится. Если минуту назад она готова была отказаться от похода в кафе с незнакомым мужчиной, то сейчас не посмела бы. Не может она так огорчить мальчика. Ей нужно только собраться.

– Мы подождем вас во дворе, не торопитесь, – сказал Глеб, беря Пашу за руку.

В который раз подумала, что ведет он себя не по-мужски. Не каждая мать так заботится о своем ребенке. Повезло Паше с дядей.

Переодевание не заняло много времени. Ксения решила, что джинсы с футболкой и кожаная куртка сгодятся для кафе. Взглянув на себя в зеркало, подумала, что слишком бледная и надо бы подкраситься. Но сразу же отбросила эту мысль – ни времени, ни желания прихорашиваться не было.

Так и знала, что Вера Федоровна не сдержит любопытства. Ксения поморщилась, когда уже возле двери ее окликнула консьержка:

– Ксюшенька, какие интересные гости к вам сегодня пожаловали…

Она обернулась, ожидая продолжения, изобразив улыбку. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться за дверью. Вера Федоровна, из трех консьержей, работающих в их доме, больше всех проявляла интерес к жизни Ксении.

– А мальчик пробыл у вас довольно долго. Вы занялись репетиторством? – не унималась Вера Федоровна.

Ксения качнула головой, не забывая все время вежливо улыбаться, и уже собралась открыть дверь. Но следующий вопрос заставил ее замереть на месте и стер улыбку с лица:

– Что-то Виктора Сергеевича давно не видно. Здоров ли он?

Этого Ксения стерпеть не могла. Чтобы какая-то не в меру любопытная тетка вот так вот нагло лезла в ее жизнь! Это уже слишком! Она обернулась всего еще раз, но этого оказалось достаточно. От взгляда Ксении Вера Федоровна вся сжалась и стыдливо потупила глаза. Правда тут же опять с любопытством зыркнула, но наткнулась на тот же взгляд. Через секунду Ксения уже выходила из подъезда, не прислушиваясь к тому, что говорит ей вслед консьержка. Все внутри клокотало от ярости, что хрупкое равновесие, установившееся в ее душе за последние несколько часов, так варварски разрушили.

Глеб с Пашей ждали ее на детской площадке. Они сидели на лавочке и поглядывали на небо, видимо опасаясь дождя. Небо заволокло тучами, ветер усиливался. Погода портилась так же стремительно, как настроение Ксении.

Паша заметил ее первый и бросился навстречу. Ксения растерялась, когда маленькие ручки обхватили ее, и к животу прижалась темная коротко стриженная голова. Она встретилась взглядом с Глебом, который уже тоже направлялся к ним. В его глазах читалась такая же растерянность. Она погладила Пашу по голове и взяла за руку. Почему-то стало неудобно перед этим мужчиной, что ребенок, родной ему, проявляет эмоции к ней. Свои она научилась прятать. Делала это почти все время, гордилась, когда получалось хорошо.

– Предлагаю поехать на машине, – обратился к ней Глеб. – Боюсь, сейчас ливанет.

А редкие крупные капли уже падали с неба. Одна из таких упала Ксение на макушку. Паша потянул ее к машине. Едва они захлопнули дверцы, как полил дождь. И тут случилось неожиданное. Паша громко рассмеялся, глядя в окно и вытирая запотевшее стекло. Его хохот был так заразителен, что следом рассмеялся Глеб.

– Успели! – сквозь смех сказал он.

Тут уж и Ксения не выдержала – присоединилась к ним. Давненько она так не смеялась, до слез. Практически без причины, подчиняясь стадному инстинкту. Но как же ей стало хорошо! В этот момент она забыла обо всем. Смотрела на

довольную мордашку Паши, на смешную мимику Глеба и чувствовала, как тепло разливается по телу.

Глава 5

Дождь лил стеной, словно кто-то там наверху разозлился и решил проучить неразумных людей. Нате вам стихию, чтобы сидели по домам и не думали даже высовывать нос на улицу. Лобовое стекло заливало так, что от дворников не было никакого толку. Они мелькали из стороны в сторону, но лучше видно не становилось. Стекла запотели изнутри, в салоне машины моментально стало душно от дыхания троих и влажности, проникающей с улицы.

– Что же нам делать? – спросил Глеб, включая вентилятор. – Видимость нулевая. Я и со двора-то выехать не смогу.

Он посмотрел на Ксению – она сидела серьезная, глядя прямо перед собой. Странная девушка. Только что смеялась вместе со всеми, а потом загрустила. У Глеба еще глаза не просохли, и губы по инерции расплывались в улыбке, а она, казалось, уже и забыла о недавнем веселье, сидит хмурится и о чем-то думает.

Пашка что-то вычерчивал пальцем на запотевшем стекле. Как и Ксения, он не отреагировал на слова Глеба. Ничего удивительного, что они сошлись, есть в них что-то общее, наверное, склонность к быстрой смене настроений.

Что же все-таки предпринять? Судя по всему, дождь зарядил надолго – небо затянуло свинцом, ни просвета не видать. Сидеть и дальше в машине не хотелось, тем более что атмосфера рисковала перерасти в гнетущую. После приступа бурного веселья Глеб чувствовал, как в душе рождается пустота – верный его спутник в последние полгода. Она заползала всегда незаметно и стремительно. В такие моменты Глеб лихорадочно пытался не подать виду, как ему плохо, пытался отвлечься, как мог. Вот и сейчас он ничего лучше не придумал, как уставиться на лицо Ксении, полностью сосредоточиться на нем.

Она продолжала рассматривать лобовое стекло и хмуриться, возможно, уже оттого, что стала объектом пристального внимания. Пару раз бросала на него

косые взгляды, в которых Глеб подмечал признаки недоумения. Плевать! Потерпит… Ищи, ищи то, что прогонит хандру. Все равно в таком отравленном состоянии ты не можешь никуда ехать. И он искал – в плавном изгибе шеи с лихорадочно бьющейся жилкой, в бархатистой щеке, окрашенной легким румянцем, в длинных густых ресницах, которые подрагивали, когда она моргала или переводила взгляд.

Какая редкая красота! Не яркая, что сразу бросается в глаза, и не такая, для которой требуется время, чтобы разглядеть. Она вся окутана нежностью. Ее и подмечаешь первой, а уже потом присматриваешься внимательнее и видишь идеальные черты. Загадка! Точно! В этой женщине столько загадочного и необычного, что хочется непременно докопаться до истины. Глеб повеселел, чувствуя, как хандра уползает, оттесняемая любопытством. Эта женщина его заинтересовала. Давненько он не испытывал подобного. Наверное, с тех пор как расстался с Мариной, а случилось это три года назад. С тех пор на первом месте всегда оставалась работа. Потом появился Пашка и занял все его мысли. А вот сейчас перед ним сидит девушка, глядя на которую он забывает обо всем.

Глеб обернулся и наткнулся на умный и печальный взгляд Пашкиных глаз. Он словно говорил: «Завидую тебе по-доброму. Ты хоть что-то интересное можешь найти в этой жизни. Одобряю твой выбор». Как восьмилетний ребенок может так смотреть? О чем же ему пришлось передумать в последние полгода, чтобы обрести такую мудрость?

Глеб тряхнул головой. Прочь подобные мысли, иначе в следующий раз тебе даже разглядывание Ксении не поможет. Он завел машину и сказал, не глядя ни на кого:

– Поехали! Не раскиснем…

Пару кварталов до ресторана они преодолели за несколько минут. Видимость оказалась лучше, чем Глеб предполагал. Или дождь решил сжалиться над ними и не лить так интенсивно. Хотя это вряд ли, потому что, когда они остановились возле ресторана, опять встал вопрос, как пробежать три метра до крыльца и не вымокнуть насквозь.

Первым проблему решил Пашка. Он распахнул дверцу и выпрыгнул из машины. Через секунду уже отряхивался под навесом. Ксения бросила на Глеба лукавый взгляд и последовала Пашкиному примеру. Она элегантно оббежала две огромные лужи перед входом в ресторан и остановилась рядом с Пашей, смахивая воду с лица.

Делать нечего – пришлось и Глебу последовать их примеру. Только так красиво у него не получилось. Пока огибал машину, умудрился наступить в небольшую, но глубокую лужу. Почувствовал, как в ботинки заливается вода. Да и бежал он не так быстро и изящно. В общем, выглядел плачевно, когда оказался под навесом – светлые брюки были до колена забрызганы, а с головы ручьями стекала вода, от которой приходилось отплевываться. Наверное, делал он это смешно, потому что Пашка с Ксенией аж согнулись в приступе хохота.

Швейцар встретил их, как родных. Разве что не заохал, как сердобольная бабулька. Через минуту он вручил каждому по пушистому полотенцу. Ксения с Пашкой отказались, а Глеб обрадовался, как ребенок. Он насухо вытер голову, чем вызвал новый приступ смеха. Ну, подумаешь, растрепался немного… Нда… Совсем не немного, как подтвердило зеркало. Похож на разъяренного петуха, мягко говоря, готового броситься в бой.

Пустующий зал тонул в полумраке. Ветер задувал в распахнутые окна, наполняя собой зеленые тяжелые портьеры, делая их похожими на паруса сказочных кораблей. Дождь стучал по оконным навесам, рождая в душе чувство умиротворения.

Давненько они не ходили вот так в ресторан, втроем… Глеб вздрогнул, как раз в тот момент, когда официант задвигал за ним стул. Мысль опалила сознание, наполняя его ужасом. Втроем они ходили последний раз в ресторан, когда еще была жива Зоя. Почему он именно сейчас подумал об этом, когда в их компании совершенно посторонняя девушка? Он посмотрел на Ксению. Она отличалась от сестры, как дождливая туча от легкого облачка. Если первая была яркая, то эту словно раскрасили пастелью. Зоя кипела энергией и непоследовательностью, а Ксения усыпляла плавностью и вдумчивостью… Но Пашка смотрел на них одинаково – со всепоглощающим доверием. Вот в чем дело! Именно поэтому сознание допустило мысль, что эти две женщины могут быть похожими.

Ксения раскрыла меню и придвинулась к Паше. Она что-то шептала ему на ухо, периодически чертя ногтем по ламинированным страницам. Он иногда

соглашался, а чаще мотал головой, отвечая ей так же – шепотом и на ухо. Казалось, они забыли о его присутствии, сидели, мило улыбаясь друг другу и перемигиваясь. Глеба кольнуло чувство ревности, только вот кого и к кому он ревновал, определению не поддавалось. С одной стороны, он завидовал Ксении, что та завоевала все Пашкино внимание, которого он так упорно добивался вот уже полгода. С другой стороны, ему так хотелось, чтобы хоть раз она посмотрела на него так же, как на племянника – с теплотой и участием во взгляде. Определенно, эта девушка интересовала его все сильнее.

– Что будем заказывать? – спросил Глеб, когда заметил официанта, направляющегося к их столику.

– Нам вот это и это, – ответил Паша почти чисто, чему Глеб сильно удивился, но постарался не подать виду. Детский пальчик ткнул в солянку и жаркое в горшочках.

– Ну, значит, и мне тоже, – кивнул Глеб. – А что будем пить?

Паша перевернул несколько страниц, посоветовался с Ксенией в установившейся между ними манере и указал на томатный и апельсиновый соки.

– Ну а я тогда… мультифруктовый закажу. А то еще подумаете, что повторяю за вами. – Глеб подмигнул Паше, и был награжден улыбкой, которую посчитал на вес золота.

Заказ принесли быстро. Расправились с ними они еще быстрее. На десерт Пашка попросил мороженого.

Глеб откинулся на спинку стула, как сытый кот, и наблюдал за племянником. Ксения вышла в дамскую комнату – припудрить носик, как иронично решил он. На самом деле ему показалось, что в какой-то момент она начала испытывать неловкость, словно вдруг поняла, что находится в компании совершенно посторонних ей людей. Их общество ее тяготило, но она не знала, как вежливо уйти.

– Вкусно было? – спросил Глеб, когда Паша съел последнюю ложку мороженого.

Тот лишь кивнул. Опять он стал тем серьезным мальчиком, которого привык видеть Глеб. Эгоистичное чувство, что все встало на свои места, шевельнулось внутри. Глеб отогнал его, понимая, как глупо себя ведет, ревнуя Пашку к Ксении.

Она вернулась в зал в тот момент, когда он попросил счет у официанта. Оставаться и дольше в ресторане не имело смысла. Да и атмосфера вокруг них стала накаляться. Ксения явно торопилась уйти, Пашка надулся и всем своим видом изображал недовольство, а Глеб чувствовал себя идиотом, что попал в такую дурацкую ситуацию.

– Не надо, я сам… – остановил Ксению Глеб, когда она полезла в сумочку за кошельком, заглянув предварительно в счет. – В нашей семье платят мужчины.

Сказал это и чуть не рассмеялся в голос. В какой семье, какие мужчины? Их было двое – он, да Зоя, пока не появился Пашка. А потом их снова стало двое…

Дождь даже не собирался ослабевать – лил себе, словно решил утопить город. На улице потемнело еще сильнее. Рано и плавно наступал вечер. Они подвезли Ксению до дома и какое-то время не уезжали – смотрели, как она бежит под дождем к подъезду.

– Хочу завтра опять к ней, – раздался Пашкин голос с заднего сидения.

– А чем вы там занимались? – поинтересовался Глеб, поворачиваясь к нему, прежде чем тронуться.

– Болтали…

«Представляю…» – усмехнулся Глеб, выруливая со двора.

***

С некоторых пор воскресенья Ксения не любила больше других дней недели. С самого утра она только и делала, что думала об учебе. В последнее время эти мысли отравляли ей жизнь. Не складывались у нее отношения ни с кем в

университете. Студенты шарахались от нее, как от прокаженной. Преподаватели косились недовольно. Даже денежное стимулирование, на которое она не скупилась, слабо помогало. Каждый поход в университет становился для нее испытанием. Одна мысль немного утешала – осталось потерпеть каких-то три месяца. Потом зимняя сессия и диплом, когда уже не нужно будет каждый день ходить на лекции, лабораторные, готовить и защищать индивидуальные практические работы. А с дипломом она как-нибудь уж справится.

Она думала о Паше, сидя на кухне и прихлебывая утренний кофе. Какой же он несчастный! Пережить такую трагедию, да в его-то возрасте! Ничего удивительного, что он замкнулся в себе. Даже страшно представить себе такое – увидеть мать повешенной. Маленький мальчик один на один с такой трагедией. Что же твориться у него в душе? И как он все это рассказывал – спокойно, без тени осуждения в голосе, со скорбью и глубокой любовью к женщине, которая решилась бросить его. Он страдает, что не увидит больше мать никогда, а не из-за того, что чувствует себя покинутым. Обиды в нем нет, Ксения сразу это поняла. Удивительный мальчик! И рассуждает, как взрослый, хоть и детскими словами.

Но как она могла?! Какую боль нужно испытывать, чтобы решиться уйти из жизни, бросив своего ребенка на произвол судьбы. Ксения не осуждала мать Паши, понимала, что не имеет на это права. Она пыталась понять ее и не могла. Догадывалась, что тут замешан мужчина, и тем более не понимала. У нее нет детей, но если на секунду представить, что Паша ее сын. Смогла бы она поступить так же? Да никогда! Никогда бы у нее не хватило сил свести счеты с жизнью. Или это напротив проявление слабости?

Ксения тряхнула головой. Не о том она думает с утра пораньше. Да и завтрак затянулся, а нужно спешить. Она убрала со стола, сложила посуду в раковину, решив, что помоет ее, как вернется. Выглянула во двор. После дождя похолодало. Небо хмурилось, значит лучше взять с собой зонт. А то в последнее время она слишком часто попадает под дождь.

Одеться тоже следовало потеплее, чтобы ветер не продувал насквозь. Ксения выбрала свитер с большой горловиной и надела его под куртку. Натянула джинсы. Ноги обула в удобные кроссовки. Теперь точно не замерзнет.

Вера Федоровна сдала смену. Место за столом в холле занимал худенький дедок – Афанасий Петрович. Его взлохмаченная седая голова и торчащие усы всегда напоминали Ксение героя старого кино «Девушка без адреса» – Катиного деда. Он даже в телефонную трубку кричал похожее «але». Смешной дядька, а главное не любопытный – никогда не задает лишних вопросов. Вот и сейчас сидит себе, почитывает газету. Только и сказал:

– Доброе утро, дочка!

И снова уткнулся в свою газету, даже не дождавшись ответного кивка Ксении.

Улица встретила ветром и холодом. Ксения натянула ворот свитера до подбородка, застегнула куртку на все кнопки и направилась к автобусной остановке. Еще минут сорок, если сразу подойдет нужный автобус, и она будет на месте.

В воскресенье утром остановка пустовала. Через пять минут Ксения уже сидела в автобусе и смотрела в окно на проплывающие мимо и по-осеннему тоскливые дома. Почему в такую погоду ей всегда так грустно, что даже слезы просятся на глаза? Небо того и гляди заплачет, и она туда же. И так было всегда, даже в детстве. Только тогда это чувство было замешано на сентиментальности или излишней чувствительности. Ей даже нравилось такое состояние души. А сейчас тоска безысходная и кажется, что уже никогда не будет хорошо.

Автобус остановился возле трехэтажного кирпичного здания с большой вывеской наверху «Городское кладбище». Ксения расплатилась и вышла под моросящий дождик. Хорошо хоть несильный. Пока и кожаная кепка справляется – не дает голове промокнуть. Волосы Ксения собрала и спрятала под нее.

По широкой аллее, засаженной по бокам елями, Ксения приближается к арке с надписью из огромных каменных букв: «Покойтесь с миром. Мы вас помним». Она всегда прочитывает ее, как молитву, словно от этого зависит, хорошо будет тому, к кому она направляется, или нет.

За аркой елей уже не так много, лишь в качестве архитектурных фрагментов – небольшими группами. Тут царит туя, аккуратно подстриженная. Она выполняет роль оград вокруг могил. Не доходя метров пятидесяти до собора, широкая дорога сворачивает в тропинку, выложенную плитами. Этот собор, как скорбно

он возвышается над всем, блестя куполами. Обычно возле него стоит автобус, а в самом соборе идет отпевание. Но сегодня кладбище поразительно пустынное. Кругом тишина. Слышен только шелест дождя и редкие вскрики птиц.

Гранитный памятник Ксения заметила издалека. Он выделялся из всех неправильной формой. Это она выбрала такой. Намеренно, словно доказывая этим всем окружающим, что не считает умершим того, к кому пришла сейчас. И смотрела она не на памятник издалека, а на изображение, выгравированное на камне. Пыталась определить, рад он или нет ее приходу. Успокоилась, когда разглядела мимолетную улыбку на родных губах.

– Привет, папуля, – прошептала Ксения, подойдя вплотную к памятнику и вглядываясь в близорукие глаза, скрытые стеклами очков.

Она погладила изображение и прижалась губами к тому месту, где была щека.

– Я соскучилась. Целую неделю тебя не видела.

Ксения опустилась на лавочку возле крашеного в зеленый металлического столика. Сложила руки на коленях, не переставая смотреть на любимое лицо. Гравюра была выполнена с фотографии, которую сделали, когда отец проводил совещание. Как будто фотограф застал его врасплох – позвал и сразу щелкнул. В добрых глазах отразилось легкое недоумение и отголоски мысли, которую он пытался не потерять, высказать до конца. А еще с губ его готова сорваться улыбка, но фотограф ее не дождался, поторопился. Отличный снимок! У Ксении дома такой же, в рамочке, стоит на комоде.

– У меня новости, – вновь заговорила Ксения. – Меня Виктор бросил. Но ты не переживай, я в порядке. Тяжело, конечно, но выдержу. А еще я познакомилась с чудесным мальчиком. Пашей. Он… он очень несчастен.

Ксения украдкой смахнула слезу, словно, чтобы отец не заметил.

– Он потерял маму. Тоже полгода назад. И, ты знаешь, он такой сильный. Даже не плачет. Живет с дядей… Дядя у него немного странный. В школе мы таких звали ботанами, – она улыбнулась одними губами. – Но, кажется, любит племянника. Да и сам вроде добрый.

Ксения замолчала, будто ожидала ответа от холодного камня. Ей действительно казалось, что отец сейчас заговорит – успокоит ее, может поругает немного… Чтобы она только ни отдала, лишь бы еще хоть раз услышать его голос, увидеть улыбку, обнять и вдохнуть такой родной запах.

Плакать нельзя. Отец не любит женских слез. Однажды он сказал: «Это миф, что женщины плачут больше. Просто мужчины это делают украдкой. И это крайняя мера, когда больше ничего не остается». Ксения тогда была еще маленькая. Она ревела из-за сломанной куклы. И тогда отец сказал еще одну вещь, которую она запомнила на всю жизнь: «Слезами куклу не вернешь». Вот поэтому она старалась не плакать, когда его не стало. А если и делала это, то украдкой, хоть сердце и щемило временами нестерпимо.

Она пробыла на кладбище с полчаса. Собралась уходить, когда почувствовала, что замерзла. Даже в хорошую погоду здесь дул сильный ветер. Скорее всего потому, что пространство открытое. Но Ксении казалось, что ветер стремиться выдуть тоску с этого места.

– Пока, папуля. Люблю тебя, – сказала она, целуя изображение. – До встречи через неделю.

Глава 6

– Глеб Петрович, сварить вам кофейку? – Виктория Сергеевна заглянула в кабинет. – А что же вы в потемках сидите? – всплеснула она руками. – Обложились бумагами, как крот… Ничего же не видно!

Она щелкнула тумблером, и Глеб в первый момент зажмурился от яркого света. Надо же, до такой степени зарылся в бумагах, что и не заметил, как кабинет погрузился в сумерки. Или накрапывает дождь?

– Как же надоела эта сырость! Опять ливень собирается, – в подтверждение его мыслей, пробормотала Виктория Сергеевна. – Плаксивая выдалась осень.

Глеб снял очки и потер глаза. Что-то он, и правда, закопался сегодня в делах. Весь день готовил документы для суда. И все еще куча пробелов есть, а суд через неделю.

– Вы подготовили бумаги, что я просил? – обратился он к секретарше.

– Давно уже. Сейчас принесу. Но сначала выпейте кофейку.

Виктория Сергеевна вышла, а он все продолжал смотреть на дверь. Как там Пашка, интересно? Вчера он опять отвозил его к Ксении. И чего его только так тянет туда? Неудобно вот так навязываться человеку.

А она вчера была явно чем-то расстроена. Глеб вспомнил нежное лицо и печальные глаза. Впрочем, при виде Паши она немного оживилась, заулыбалась. Какая же она красивая! Даже сейчас, вспоминая Ксению, он почувствовал, как внутри разливается приятное тепло. Она странно на него действует. Каждый раз, как видит ее, испытывает умиление. С одной стороны, кажется, что эта девушка сплошь покрыта тайной, а с другой – ее глаза говорят так много, они так откровенно смотрят на мир, без тени кокетства или притворства. Она естественная до мозга костей и совершенно не умеет скрывать эмоции. В отличие от него… Он никогда не выпускает чувства на поверхность, держит их под контролем. Его считают спокойным даже тогда, когда внутри него все клокочет. Наверное, это ранняя самостоятельность и ответственность за другого наложили отпечаток на характер. А может, профессия адвоката требует от него предельной собранности и хладнокровия. Но иногда так хочется пустить эмоции на самотек, особенно когда видит Ксению.

Глеб вспомнил, что собирался позвонить Вадиму еще с утра, но, как обычно, закрутился. На стационарный телефон звонить бессмысленно – тот вечно в разъездах. Достал мобильный и набрал номер друга.

– Так и знал, что начнешь названивать уже сегодня, – раздался голос Вадима в трубке.

– И тебе привет, – усмехнулся Глеб. – Узнал что-нибудь?

– Пока почти ничего. Я же сказал, нужно время.

– А если конкретнее?

– А если конкретнее, то зовут ее Преображенская Ксения. Фамилия-то, фамилия… – хохотнул Вадим. – Прямо потомственная аристократка.

Фамилия, как фамилия. Просто более звучная, чем, к примеру, его – Молчанов. Не разделял иронию Вадима.

– Студентка последнего курса университета, факультет микробиологии, – продолжал тот. – Живет одна. Правда до недавних пор ходил к ней какой-то мужик. Позже выясню, кто. Консьерж сказал, что пропал он куда-то… Что еще? Ах, да! Самое главное – случилось у нее что-то с полгода назад. Пока не знаю, что. Но ходила она какое-то время в трауре. И очень изменилась в последнее время. Замкнулась в себе, говорят. Это все со слов консьержа… Подробнее информация будет позже. Я тебе сам позвоню.

Глеб отключился и какое-то время сидел в задумчивости. Вот почему она такая печальная? У нее что-то случилось. И этот парень или мужик, как назвал его Вадим, кто он? Почему-то от мысли, что Ксения с кем-то встречалась, стало по-настоящему дурно. Ему-то какое до этого дело? Вот уж дикость какая-то… Столько времени не обращать на женщин внимания из-за проблем в семье, а теперь готов броситься на первую попавшуюся. Хотя, какая же она первая попавшаяся, раз ее выбрал Пашка. Получается, что она, напротив, уникальная, раз смогла растормошить племянника, когда он, Глеб, уже потерял надежду это сделать.

Вчера вечером, когда забирал Пашу, он не рискнул пригласить ее поужинать. Что-то в ее лице остановило его. Она как будто всем видом кричала: «Оставь меня в покое. Мне не до тебя!» Хотя с Пашкой простилась тепло, как обычно – обняла и крепко прижала к себе. Глеб даже поймал себя на мысли, что хочет оказаться на месте племянника.

Это уже даже не дикость, а фантастика. Глеб запустил руки в волосы, как делал всегда в минуты сильного волнения. Потом резко встал из-за стола, отчего стул откатился и гулко ударился о батарею.

Вчера, когда наблюдал, как ее тонкие длинные пальцы зарывались в Пашкины волосы, мечтал, чтобы она так же прижимала к себе его голову, а он вдыхал бы

ее запах. Уверен, что пахнет она волшебно, так же как выглядит.

Глеб принялся шагами мерить кабинет и чуть не сбил с ног Викторию Сергеевну, когда та неожиданно распахнула дверь и вошла с небольшим подносом.

– Простите, – пробормотал он, пропуская женщину.

Она никак не отреагировала на его нервозность, не считая единственного взгляда, в котором читалось изумление. Ничего удивительного, обычно он умеет держать себя в руках. Обычно… С недавних пор все в его жизни стало необычным, начиная с поведения племянника и заканчивая его собственным. Мысли о Ксении преследовали его постоянно, чем бы он ни занимался. Эта малышка свела его с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/molchalivyy-razgovor

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити